

УДК 811.161.1

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЕНИ *СИРИН* В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ЛИРИКИ XX СТОЛЕТИЯ

Зайцева И. П.

*Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
Витебск, Республика Беларусь*

Аннотация. Представленные в статье наблюдения продолжают и дополняют одну из работ автора, где рассмотрена традиция «двуединого» (в тесной взаимосвязи) осмысления имён волшебных птиц (*Сирин*, *Алконост*, *Гамаюн* и др.), функционирующих в восточнославянской языковой картине мира, в русской лирической поэзии. Данная традиция, заложенная лирикой А. Блока, в свою очередь, базируется на древнейших мифологических представлениях восточных славян.

Следование традиции в анализируемом в статье аспекте, воплощаемое русскими лириками XX в., предполагает сосредоточенность на эстетическом осмыслении *одного из образов* (в данном случае таковым является образ птицы *Сирин*), трактуемого как относительно «автономный» феномен. Лирики XX в., опираясь на сформированную ранее у прецедентного имени символику, тем не менее практически всегда дополняют её элементами индивидуального мировосприятия, что обуславливает как концептуально-эстетическую, так и лингвостилистическую значимость онима в лирической структуре. В подобных случаях, подобно онимам, осмысливаемым в рамках «двуединой» традиции, этот элемент лирической структуры становится её концептуально-образным центром, сохраняя при этом своеобразие, придаваемое ему авторской трактовкой.

Ключевые слова: прецедентное имя, *Сирин*, лирическая структура, языковая картина мира восточных славян, концептуально-эстетические особенности, авторская трактовка, образный центр.

THE LINGUOCULTURAL POTENTIAL OF THE *SIREN* NAME IN THE MIRROR OF THE RUSSIAN LYRICS OF THE XXTH CENTURY

Zaitseva I. P.

*Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"
Vitebsk, Republic of Belarus*

Abstract. The observations presented in the article continue and complement one of the author's works, where the tradition of "two-fold" (in close relationship) comprehension in Russian lyric poetry of the names of magical birds (*Sirin*, *Alkonost*, *Gamayun*, etc.) functioning in the East Slavic language picture of the world is considered. This tradition, laid down by the lyrics of A. Blok, in turn, is based on the oldest mythological representations of the Eastern Slavs.

Following tradition in the aspect analyzed in the article, embodied by Russian lyricists of the 20th century, implies a focus on the aesthetic understanding of one of the images (in this case it is the image of the *Sirin* bird), interpreted as a relatively "autonomous" phenomenon. The twentieth-century lyricists, undoubtedly relying on the symbolism formed earlier with the precedent name, nevertheless, almost always supplement it with elements of individual worldview, which determines both the conceptual and aesthetic and the linguistic significance of the name in the lyrical structure. In such cases, this element of the lyrical structure becomes the conceptual and imaginative center of the lyrical structure, like the imagery understood within the

framework of the “two-fold” tradition, while preserving the uniqueness given to it by the author’s interpretation.

Keywords: precedent name, Sirin, lyrical structure, linguistic picture of the world of the East Slavs, conceptual and aesthetic features, author’s interpretation, figurative center.

В восточнославянской (прежде всего – русской) мифологии функционирует система номинаций – имён собственных, обозначающих *волшебных* (*фантастических*, по терминологии А. В. Гуры [1]) птиц, – которая складывалась в течение длительного времени, с одной стороны, в процессе взаимодействия различных культурных пластов, с другой стороны, под влиянием ряда религиозных течений. В данную систему, опираясь на сведения, содержащиеся отчасти в лингвистических, а в большинстве своём – в разного рода энциклопедических источниках (1), можно включить обозначения таких мифологических образов, как *Аист, Ворон, Лебедь, Орёл, Жар-птица, Алконост, Сирин, Гамаюн, Феникс* [см.: 2; 3; 4 и другие аналогичные источники].

Накопившие в процессе своего функционирования весьма значительный образно-символический потенциал, имена волшебных птиц довольно активно привлекаются в качестве языкового материала авторами различных по жанру и стилистической тональности словесно-художественных произведений. При этом такого рода онимы, как правило, представляют в художественном произведении элементы, не только выделяемые (графически, семантически, грамматически и под.) автором в пространстве текста, но и значимые для художника слова в концептуальном отношении. Подобная традиция зародилась в русской литературе достаточно давно: метафорическое осмысление образов птиц, в том числе и фантастических, присутствует уже в памятниках древнерусской литературы. «В древнерусском бестиарии, согласно наблюдениям О. В. Беловой, **Сирин символизировал амбивалентные понятия**. С одной стороны, пение этой птицы “служит обозначением божественного слова, входящего в душу человека”, с другой – это указание на “нетвёрдых в вере людей”, а также “еретиков, вводящих... в заблуждение”. Интересно, что в переводе Хроники

Геorgia Амартола вспоминаются птицы, “иже и сирины нарицаются, рекше вилы”; здесь сирины сравниваются с известным женским персонажем южно-славянской народной демонологии» (выделено мною. – И. З.) [5].

В течение довольно длительного времени эта традиция развивалась, концептуально-эстетически осмысливалась (иногда – переосмысливалась) писателями, создающими произведения в рамках разных литературных родов, направлений и жанров, результатом чего стало её превращение в многоаспектный феномен, каждая ипостась которого отличается своеобразием подхода в интерпретации прецедентного имени, результатом чего иногда является весьма существенная трансформация изначальной символики онима. В ряде работ нам уже приходилось рассматривать, каким образом авторы русских лирических произведений разных временных периодов опираются на традицию осмысления образов волшебных птиц, заложенную Александром Блоком [см., например, 6], – традицию «двуединого» воплощения образов двух волшебных славянских птиц – *Сирина* и *Алконоста*, предполагающую воплощение этих образов во взаимосвязи и взаимовлиянии. Такой подход, как нам представляется, в наибольшей степени позволяет авторам-поэтам с особой глубиной и точностью передать сложность и многогранность (подчас явно противоречивую) славянской души – феномена, в котором нередко сосуществуют характеристики прямо противоположные, однако при этом удивительным образом дополняющие друг друга (например, одним из по-своему уникальных качеств славянской, и прежде всего русской, души считается её способность одновременно испытывать такие разные чувства, как *радость* и *печать*, *сострадание* и *сорадование* – и т. п.).

В настоящей публикации мы остановимся на анализе иного аспекта традиции, сложившейся в русской лирике в отношении воплощения в словесно-художественных произведениях одного из наиболее часто привлекаемых лириками XX столетия образов – образа птицы *Сирин*. Это

направление характеризуется относительно «автономным» осмыслением образов славянских волшебных птиц.

Прецедентные имена *Сирин* и *Алконост* привлекают внимание русских лириков богатством символического содержания. Символика имени *Сирин* представлена наиболее подробно в источнике «Персонажи славянской мифологии», жанр которого составители определили как *рисованный словарь*: «**Сирин** – баснословная райская птица, имеющая человеческий облик; птица радости, удачи, славы. Пленяет людей своим пением. Райское пение Сирина служит образцом божественного слова, пленяющего человека. Прекрасное пение этой птицы вызывает у человека хорошее настроение, радость; в то же время, только счастливый, радостный человек может слышать прекрасное пение этой птицы. Не всякому человеку удаётся видеть Сирина, ибо улетает эта птица так же быстро, как слава и удача» [3: 175].

Осмысление образа птицы *Сирин* в интересующем нас («автономном») ключе в лирике известных русских поэтов первой половины XX века присутствует, однако такие случаи достаточно редки. Одним из самых заметных произведений, где символика данного образа интерпретирована автором в русле заявленного направления и в индивидуально-стилистическом ключе является стихотворение «Птица Сирин» (1907) одного из самых заметных представителей Серебряного века – **Константина Бальмонта**. В этом произведении образ птицы *Сирин* представлен как весьма противоречивый, нередко приводящий того, кто зачаруется ею, к трагедии: *Птица Сирин так сладко поёт, / Чуть завидит корабль, зачарует мечтой золотой, / На плывущих наводит забвенье и сон, / Распинает корабль на подводных камнях, / Утопают пловцы в расцветченных волнах* [9]. В творчестве К. Бальмонта присутствует стихотворение, где образ птицы *Сирин* осмыслен в русле традиции, заложенной А. Блоком, то есть во взаимодействии с образом птицы *Алконост*: это стихотворение «Райские птицы, созданное в том же году, что и стихотворение «Птица Сирин», – 1907.

Подобную картину наблюдаем и в творчестве одного из наиболее ярких представителей философской русской лирики первой половины XX столетия – **Всеволода Александровича Рождественского**. В рамках рассматриваемой поэтической традиции имя птицы **Сирин** осмыслено им в объёмном, приобретающем черты эпического характера, напоминающем поэму стихотворении «В тенетах времён» (1923), которое заканчивает словами:

*Столетия бегут, и мужает Россия,
Далёко петровские стружки летят.
Октябрьские зори восходят впервые,
И новые звезды сверкают, как сад.*

*А в этом саду наливаются слово,
Качается **Сирин** в изгибах ветвей,
И всходит, как солнце для мира слепого,
Бессмертное сердце Отчизны моей!*

(выделено мною – И. З.) [10: 76].

В стихотворении же «У Лукоморья», написанном В. А. Рождественским гораздо позднее, в 1967 г., функционирует *система* собственных имён – номинаций волшебных птиц, в которую, помимо имён **Сирин** и **Алконост**, входит также имя **Гамаюн**. Это лирическое произведение продолжает традицию, заложенную А. Блоком: имя **Сирин** символизирует счастье и радость, обретаемые вместе с нею всеми, кто окажется в раю, где **Сирин** «издавна гостит»; **Алконост** же предстаёт в этом произведении как «вестница тревоги» – своеобразный антипод **Сирин**.

Однако наиболее активно из поэтов первой половины XX века к осмыслению образа птицы **Сирин** в интересующем нас ключе обращается **Николай Алексеевич Клюев**, один из крупнейших представителей русской культуры первой трети XX столетия. В поэтическом корпусе «Национального корпуса русского языка» зафиксировано **61** употребление имени **Сирин** в поэтических произведениях, из которых **23**

(!) – выявлены в стихотворениях и поэмах Н. А. Клюева [11]. Дважды имя птицы **Сирин** используется в поэме «Погорельщина» (1928), а также в стихотворениях «Поддонный псалом» (1916), «Где рай финифтяный и Сирин...» (1916–1918), «В избе гармоника: “Накинув плащ, с гитарой...”...» (1917–1918) и «Из кровавого окопа...» (1918). Однократно имя **Сирин** употребляется в стихотворениях: «Мужицкий лапотъ свят, свят, свят!...» (1914), «Поддонный псалом» (1916), «Песнь Солнценосца» (1917), «Се знамение: багряная корова...» (1917–1918), «Русь-Китеж» (1918–1919), «Клеветникам искусства» (1932) и «Баюкало тебя райское древо...» (1933). При этом наибольшее число употреблений имени волшебной птицы **Сирин** содержится в одном из самых известных и отличающемся явным своеобразием по многим параметрам произведении Николая Клюева – поэме «Песнь о Великой Матери», где интересующее нас имя собственное использовано **восьмикратно** (во всех цитируемых далее фрагмента выделено мною. – И. З.):

*1) Ау, прекрасный Сирин!
В тиши каких кумирен
Твой сладостный притин?
Уж отплясали Святки
Татарские присядки,
Эх-ма и брынский трын.*

*...
«Параша!.. Паша!.. Паня!..»
Знать, Сирин на поляне, –
И покатила в лог!..*

*2) За остяка, араба, финна
Пред вечным светом Русь порука –
Её пожрёт стальная щука!
И зарный цвет во мгле увянет,
Пока на яростном Уране
Приюта Сирин не совьёт,
Чтоб славить Крест и новый род,
Поправивший смертью чёрный ад!*

3) Уж **Сирин** в празелени сосен
 Не раз налаживал свирель,
 Чтобы в крещенскую метель
 Или на Красной яркой горке
 Параше, по румяной зорьке,
 Взыграть сладчайшее «люблю»...
 Она на молодость свою
 Смотрела в венецейский складень,
 При свечке, уморяся за день,
 В большом хозяйстве хлопоча.
 На косы в пядь, на скат плеча
 Глядело зеркало со свечкой,
 А **Сирин**, притаясь за печкой,
 Свирель настраивал сверчком,
 Боясь встревожить строгий дом
 И сердце девушки пригожей.
 Она шептала: «Боже, Боже!
 Тут ясный **Сирин** не стерпел
 И на волхвующей свирели,
 Как льдинка в икромет форели,
 Повывел сладкое «люблю»...
 Метель откликнулась: «Фи-ю!..».

4) Дубовый терем тих и мирен,
 Ордынский не грозит полон,
 И в горнице двуглавый **Сирин**
 Поёт: «Кирие, елейсон».
 И снится Паше гроб убранный,
 Рубин востока смертью взят,
 Отныне кто её желанный?

5) Где ж **Сирин** и царские бармы?
 Капралы орут: «Становись, мужики!» [11].

В комментариях В. Шенталинского к поэме Н. А. Клюева «Песнь о Великой Матери», впервые опубликованной в 1991 году в журнале «Знамя», одна из особенностей этого произведения, которую можно определить как жанрово-концептуальную, охарактеризована так: «Жанр поэмы —

лирический эпос, сказание, в ней Клюев предстаёт как единственный в русской, да и во всей мировой поэзии мифотворец двадцатого века. Миф, эпос. Не старое или новое – вечное. **Это книга народной судьбы – “мужицкие Веды”**. Здесь и речи не может быть о какой-то стилизации “под народ”, Клюев говорит от имени и голосом народа, он сам – народ. **Поэма прямо восходит к “рублевским заветам” – в иконописи и зодчестве, в старопечатных книгах и церковной музыке, но более всего – к фольклору, народному песнетворчеству – или исходит от них**» (выделено мною. – И. З.) [12]. Представляется, что приведённая цитата могла бы послужить эпиграфом и к выявлению своеобразия индивидуально-авторской манеры, в рамках которой осмысливается в поэме имя *Сирин*, поскольку это осмысление явно базируется, с одной стороны, на фольклорном представлении русских об образе фантастической птицы, с другой стороны, собственно мифологическими, уходящими корнями преимущественно в книжно-письменную культурную традицию.

Во-первых, *Сирин*, воплощающий в данном случае мужское начало (3), в поэме Н. Клюева постоянно сопровождает молодую крестьянскую девушку Парашу (прообразом её стала мать писателя – Прасковья Дмитриевна), причём сопровождение это обнаруживается в самых типичных для русской крестьянской женщины этого возраста жизненных ситуациях. Такое осмысление представлено в разных композиционных частях произведения («Господи владыко...», «Денисов Крест с Вороньим Бором...», «Ей было восемнадцать вёсен...» (имя *Сирин* употреблено трижды), «Как лён, допрялася неделя...»), что позволяет «охватить» символической семантикой, которой автор наделяет в произведении это имя, практически всю поэму: *Сирин на поляне; Сирин в празелени сосен не раз налаживал свирель, чтобы ... Параше, по румяной зорьке, взыграть сладчайшее «люблю»; Сирин, притаясь за печкой, свирель настраивал сверчком, боясь встревожить строгий дом и сердце девушки пригожей; в горнице двуглавый Сирин поёт: «Кирие, елейсон»*. В этих художественно воплощаемых в

поэтическом тексте ситуациях, безусловно, актуализируется *фольклорное* осмысление образа одной из волшебных птиц, которое сформировалось в коллективном «наивном», или бытовом, сознании русских, воспринимающих чудесные свойства, присущие *Сирину*, через призму обычных, постоянно окружающих русского человека явлений и процессов: он *притаивается за печкой; налаживает свирель сверчком*; оказывается в *горнице* и т. п. Контекстные окружения, в которых функционирует имя собственное в приведённых фрагментах, полностью поддерживает сформированную у онима *Сирин* символическую семантику, что находит выражение, прежде всего, в специфике используемой лексики, при помощи которой характеризуются место, где разворачиваются изображаемые события, и действия *Сирин* как их непосредственного «участника». Это либо лексика, которая обозначает типичные для русского крестьянского быта реалии (*печка, горница, свирель, сверчок*), либо выражения разговорного или диалектного характера, свойственные в первую очередь народному языку, которым в общелитературном употреблении соответствуют синонимы нейтральной стилистической окрашенности (например, *настроить* – для *наладить*; *спрятаться* и *притихнуть* – для *притаиться*): «**Притаиться** ... Спрятаться и притихнуть» [13: 740], «**Наладить** ... 3. Настроить на нужный лад (музыкальный инструмент) (разг). *Наладить балалайку.*» [13: 483]; «**Горница** ... 1. Комната [первонач. в верхнем этаже] (устар.). 2. Чистая половина крестьянской избы (обл.)» [13: 163]; «**Свирель** ... Народный музыкальный инструмент в виде дудки (чаще – спаренных дудок) из дерева, тростника; звучание такого инструмента. *Пастушья свирель*» [13: 863]; «**Сверчок** ... Насекомое из отряда прямокрылых, производящее трением крыла о крыло потрескивающие, стрекочущие звуки. ... В сравн. ... – *Да, тяжко жили. А вспоминать – ничего, даже приятно бывает. А почему приятно? Потому что и в трудностях сверчком за печку не прятались. Колыхал. Идти одному запрещаю...*» [14: 667].

Во-вторых, при воплощении в поэме образа волшебной птицы Н. А. Клюев в ряде случаев актуализирует и то символическое содержание, которое накоплено прецедентным именем в рамках иной – *мифологической* – традиции, уходящей корнями в книжно-письменную культуру. Подобный характер осмысления наблюдаем, к примеру, в употреблении имени **Сирин** в части поэмы «Господи владыко...»: *Ау, прекрасный Сирин! В тиши каких кумирен Твой сладостный притин?* Приведённое высказывание, в отличие от цитируемых ранее фрагментов, сформировано по правилам книжного языка: это использование преимущественно книжной лексики (*притин* (4), *кумирня*) («**Кумирня** ... Языческая молельня с кумирами» [13: 390]), а также явных слов-поэтизмов, прежде всего относящихся именно к **Сирину**: *прекрасный Сирин, твой (Сирина) сладостный притин; в тиши кумирен* (вместо характеризующегося большей нейтральностью и, соответственно, более часто употребляемого *в тишине*). Книжный характер свойствен и всей приведённой конструкции, которая представляет собой *риторический* вопрос, включающий распространённое *обращение*, являющееся восклицательным по его эмоциональной окраске и к тому же выделенное в *парцеллированную* конструкцию.

Опора на мифологическую традицию, идущую от осмысления данного образа в книжно-письменной культуре, отчётливо ощущается и во фрагменте из части «Гнездо третье» поэмы Н. А. Клюева, где имя **Сирин** в конструкции однородных членов предложения объединяется с лексическим элементом книжного свойства (**бармы**): *Где ж Сирин и царские бармы?* («**Бармы** ... (стар.). Род наплечников в торжественной одежде русских князей и царей, византийских императоров» [13: 31]).

Не менее интересно пронаблюдать за осмыслением Н. А. Клюевым прецедентного имени **Сирин** в его лиро-эпической поэме «Погорельщина», которую нередко определяют как главное произведение всего творчества писателя, поскольку «в ней с наибольшей силой выражены идеалы поэта, неповторимые особенности его художественного видения мира. Это

своеобразное поэтическое завещание писателя потомкам, полное проницательных пророчеств и предупреждений, которым они, к сожалению, не вняли. <...> **Влияние древнерусского искусства все время ощущается в поэме**, стихи которой, подобно окладу иконы, сияют драгоценными металлами и камнями. <...> **Сирин был вознесён**, как на блюде, вместе с кедром “в сапфир, черемуху и лён”» (выделено мною. – И. З.) [16]. Помимо этого, поэма «Погорельщина» принадлежит к наиболее заметным произведениям новокрестьянской поэзии, а по мнению ряда исследователей, является самым заметным из них.

Имя *Сирина* употреблено в разных частях этого произведения дважды. В части «В зимы у нас баско...» находим:

*По зелёным вёснам
Прилетает к соснам
На отцов могилы
Сирин песнокрылый.
Он, что юный розан,
По Сиговцу прозван
Братцем виноградным,
В горестях усладным* (выделено мною. – И. З.) [11].

В части «Увы, увы, раю прекрасный...» имя *Сирина* употреблено повторно:

*Февраль рассыпал бисер рясный,
Когда в Сиговец, златно-бел,
Двуликий Сирин прилетел.
Он сел на кедровой вершине,
Она заплакана доныне,
И долго-долго озирал
Лесов дремучий перевал.
Истаевая, сладко он
Воспел: «Кирие, елейсон!»
Напружилось лесное недро,
И, как на блюде, вместе с кедром
В сапфир, черемуху и лён
Орел чудесный вознесён* (выделено мною – И. З.) [11].

В приведённых контекстах в первую очередь обращает на себя внимание яркая образность осмысливаемого прецедентного имени, достигаемая различными стилистическими средствами. Так, в обоих случаях имя *Сирин* сопрягается с определениями, отличающимися выраженной экспрессией: *Сирин песнокрылый; златно-бел, Двуликий Сирин прилетел*. Эти определения разнообразны как по своим грамматическим и структурным характеристикам (в полной форме имени прилагательного и его в краткой форме и т. д.), так и по иным свойствам. Два из этих определений представляют собой *индивидуально-авторские* (оказиональные) образования, которым априори всегда присуща яркая образность и повышенная экспрессивность – *песнокрылый* и *златно-белый (златно-бел)*. С нашей точки зрения, при создании этих оказиональных имён прилагательных Николай Клюев демонстрирует индивидуальное осмысление образа *Сирин*, которое базируется на нескольких традициях его трактовки. Помимо уже упоминаемых ранее фольклорной и восточнославянской мифологической традиции, это ещё и учёт автором того, как осмысливается образ *Сирин* (птицы *Сирин*) в более широком культурном контексте, включающем его место в культуре греческой, с которой культура восточных славян и славян в целом пересекается по многих направлениям. Подтверждение тому – «воспевание» *Сирин*ом «**Кирие, елейсон!**», то есть вкладывание в его уста молитвенного возгласа на греческом языке, соответствующего выражению «Господи, помилуй!», который присутствует почти во всех литургических обрядах. Неслучайность такого осмысления Н. А. Клюевым образа *Сирин* подтверждается и материалом, рассмотренным ранее, в поэме «Песнь о Великой Матери» это же выражение звучит из уст *Сирин*а, находящегося в «дубовом тереме»: *Дубовый терем тих и мирен, Ордынский не грозит полон, И в горнице двуглавый Сирин Поёт: «Кирие, елейсон»* [11]. Экспрессивность осмысления образа *Сирин*а в приведённых фрагментах повышается и за счёт использования для его характеристики художественного сравнения, явно уходящего корнями в

фольклорную среду: *Он* [Сирин], *что юный розан*, – а также *перифрастических именовании* этого персонажа, одно из которых (интересно заметить, что это, судя по всему, отражение восприятия волшебной птицы на региональном уровне, поскольку оно отсылает к населённому пункту *Сиговец*) представляет развёрнутую конструкцию: *Он* [Сирин] ... *По Сиговцу прозван Братцем виноградным, В горестях усладным; Орёл чудесный*.

Таким образом, в осмыслении образа Сирина в поэме «Погорельщина» автор опирается на несколько традиций осмысления этого феномена, «переплетая» представления о нём в народном сознании (фольклорная культура), в мифологическом восприятии, которое, во-первых, отличается наличием вариативности толкования мифологических сюжетов; во-вторых, тесно переплетается с воззрениями религиозного характера.

Рассмотренные случаи концептуально-эстетического осмысления прецедентного имени *Сирин* в поэмах Н. А. Клюева «Песнь о Великой Матери» и «Погорельщина» позволяют прийти к заключению, что символический потенциал, накопленный данной единицей языка в процессе её функционирования, может быть довольно существенно расширен в тех случаях, когда это имя интерпретируется автором с позиций нескольких (в данном случае – как минимум двух) культурных традиций, сформировавшихся в отличных концептуальных (и соответственно – эстетических) пространствах.

В рассмотренных случаях эти традиции – *фольклорная* и *книжно-письменная*, взаимодействующая с *религиозными* представлениями, – отражают особенности восприятия прецедентного феномена, которые сформировались у носителей разных социально-культурных слоёв, которые тем не менее «включены» в общую – русскую – лингвокультуру в её широком понимании, Этим, с нашей точки зрения, и обусловлены в первую очередь те различия в восприятии одного из прецедентных имён, служащего для обозначения образа волшебной птицы Сирин, эти различия находят

выражение как в характере привлекаемого для языкового оформления этих представлений материала, так и в способах его организации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Как можно убедиться, в приведённый перечень включены и номинации, обозначающие реальных птиц, а не только тех, образы которых существуют лишь в мифологическом сознании славян (например, *Аист*, *Орёл*). Это объясняется тем, что реальные представители фауны, фигурируя в мифологических сюжетах, наделяются свойствами, отсутствующими у них в реальной действительности, но в то же время присущими волшебным птицам, – например, способностью действовать как человек: предсказывать будущее; оказывать влияние на судьбы людей, причём как в позитивном, так и в негативном плане и т. п.

2. В источники собственно лингвистического характера (прежде всего – толковые словари) интересующие нас имена включаются крайне редко и толкуются преимущественно в собственном им прямом значении; символической же части семантического объёма в этих случаях уделяется весьма незначительное внимание. Это наблюдаем, к примеру, в знаменитом словаре В. И. Даля (при цитировании сведений из этого словаря сохраняется оригинальная орфография): «**Алконостъ** ? м. сказочная райская птица, съ человѣческимъ лицомъ, нѣкогда изображаемая на нашихъ лубочныхъ картинахъ» [7: 40]; «**Сиринь** м. *црк.* птица сова, или филинъ, пугачъ; есть лубочн. картины, изображающія *райскихъ птицъ сирина и алконоста (сирена?)*, съ женскими лицами и грудью. *Будуть селенія сириномъ и селища струвиономъ, Исаія*» [8: 170].

3. Подобная картина наблюдается далеко не всегда, что подтверждают и приводимые нами ранее примеры – ср., в частности, характеристики волшебных птиц в стихотворении В. А. Рождественского «У Лукоморья»: *Сирин, издавна гостящая в раю; Алконост – вестница тревоги*. Однако чаще всего отнесённость этих образов к мужскому либо женскому началу в текстах лирических произведений грамматически не обозначена и представляется весьма затруднительной.

4. Данное слово – *притин* – отсутствует в современных толковых словарях, что свидетельствует о его достаточно давнем уходе в пассивный запас русского языка; в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля оно толкуется как «мѣсто, къ чему что приурочено, привязано; предѣлъ движенья или точка стоянья чего. ... || Слово *притинь* вполне отвѣчаетъ тому, что въ наукахъ максимумъ и минимумъ; первое *верхній, большой притинь*, второе *нижній или малый*» [14: 468].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гура А. В. Птицы // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 тт. / Под общ. редакцией Н. И. Толстого Т. 4. П (Переправа через воду) – С (Сито). М.: Международные отношения, 2009. С. 345-347.
2. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилёва, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. М.: «Гнозис», 2004. 318 с.
3. Персонажи славянской мифологии / Сост.: А. А. Кононенко, С. А. Кононенко. Киев: Фирма «Корсар», 1993. 224 с.
4. Шуклин В. В. Русский мифологический словарь. Екатеринбург: Уральское изд-во, 2001. 384 с.
5. Кот Е. Сирин // Энциклопедия. URL: <https://www.bestiary.us/sirin> (дата обращения 03.07.2022).
6. Зайцева И. П. Осмысление лингвокультурного потенциала имен славянских мифологических птиц в русской лирике XX столетия // Вестник славянских культур. 2022. Т. 64. С. 227-238.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А–З. М.: Типография А. Семена, 1863. 637 с.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. Р–V. М.: Типография А. Семена, 1866. 712 с.

9. Бальмонт К. Птица Сирина. URL: <https://www.culture.ru/poems/31975/ptica-sirin> (дата обращения 03.07.2022).
10. Рождественский В. Стихотворения и переводы. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1985. 592 с. (Серия: Библиотека поэта. Большая серия).
11. Национальный корпус русского языка. URL: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&mode=poetic&nodia=1&p=1&req=%D1%81%D0%B8%D1%80%D0%B8%D0%BD+&sort=i_grstd&text=lexform (дата обращения 03.07.2022).
12. Клюев Н. А. Песнь о Великой Матери; предисл. и комментарии В. Шенталинского // Знамя. 1991. № 11. С. 3-44. URL: https://www.booksite.ru/klyuev/2_9.html (дата обращения 03.07.2022).
13. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 1175 с.
14. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. П. М.: Типография А. Семена, 1865. 584 с.
15. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. А. С. Герд. Т. 24. Розница –Свериться. М.-СПб.: Наука, 2017. 671 с.
16. Матвеев Б. И. Главная книга Н. А. Клюева, её жанр и язык: [«Погорельщина»] // Русская речь. 2001. № 4. С. 20-27. URL: https://www.booksite.ru/klyuev/4_15.html (дата обращения 03.07.2022).

© Зайцева И. П., 2023

УДК 811.161.1

**РЕКОНСТРУКЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ
ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА Ф.И. ТЮТЧЕВА
ЧЕРЕЗ АНАЛИЗ ЛЕКСИКОНА**

Дегтярева А. Н.

*Российский государственный университет им А. Н. Косыгина
Москва, Россия*

Аннотация. В статье выявляются признаки центральных концептов в индивидуально-авторской картине мира Ф. И. Тютчева через анализ лексем, номинирующих эти концепты и выступающих в качестве центров притяжения узлов ассоциативно-семантической сети для других единиц. Цель статьи – выявить и описать основные характеристики центральных концептов. Задача – проанализировать центральные узлы ассоциативно-семантической сети в лексиконе поэта. В качестве центральных в статье обозначены концепты «день», «ночь» и «душа», их выделение производилось по количественному критерию. Для их изучения применялись такие методы, как контекстуальный анализ, сопоставление, описание. Результаты работы позволили выявить признаки названных концептов и сделать вывод, что подобное исследование позволяет не только расширить представления о структуре того или иного концепта, но и определить причины появления нестандартных сочетаний слов в творчестве поэта.

Ключевые слова: индивидуально-авторская картина мира, Ф. И. Тютчев, концепт, ассоциативно-семантическая сеть, языковая личность.